картами пулями и сальными, как щеки у урода.
Туго вливал глазами в одну точку, придумывал, и до того дошел, что совсем перестал сна видеть. Просталея, натуженная притихая, но сзади была темнота; гладко и черно, не то, что сна — ни одного лица не видел.
Вздыхался Вениамин в своих кенитрах воздушных, а как сдержался изловил рассказчика в повторах. про лошадей
— Тот же, паскость, в четверг этот сон рассказывал,
— Что обратно видел, Николай Алексеич. Истинный Христос, в другой раз в яму! — врал Вениамин не терзался.
Аб. В декабре Григорий с сидельцем развали в Вешенскую в стоящие правление. Получил сто рублей на коня и извещение, что-бы на второй день рождества вылезать в Слободу Меньшову на сборный участок.
Григорий вернулся из станицы растерянный; подходило рождество, а у него ничего не было готово. На деньги выданные казны и на свои сбережения купил на хуторе Обровском коня за сто сорок рублей. Ходил покупать с дедом Сашкой, сторговали подходящего коня: шестилетка, чистой масти, висмазадый. Был у него один только изъян и дед Сашка кудлатую бороду сказал:
— Дешевше не найдешь, а калечить не доглядит. В Христу у них не хватит.
Оттуда Григорий ехал на купленном коне верхом, пробовал шаг и рысь.
А за неделю до рождества приехал в Ягодное сам Пантелей Прокофьевич. Коблу, запряженную в кошевки, привязал к плетню и подошел к Модеке обдирая с бороды, лежавшей на воротнике тулупа черным бурьяном.
Григорий растерялся увидя в окно отца. Аксинья зачем-то кинулась к люльке кутая ребенка.
Пантелей Прокофьевич влез в комнату напустил холоду, стал трех и перекрестился на образа обводя стены недоверчивым взглядом.
— Здорово живете.
— Здравствуй, батя. — Вставая с лавки отозвался на приветствие Григорий и шаркнув стал среди комнаты.
Пантелей Прокофьевич сунул Григорий мерзлую руку и сел на краю лавки запахивая полы тулупа, обводя взглядом Аксинью, пристывшую у люльки.
— Обращаешься на ферму?
— А то как-нет.
Пантелей Прокофьевич замолчал оглядывая Григория меняющуюся долго.
— Раздевайся, батя, назяб ить небось?
— Нечаво. Терпится.
— Самовар поставлен.
— Спасибочко. — Соскабливая ногтем с тулупа давнишнюю потрескавшуюся грязь сказал: — Там привез тебе справу. Два шинели, седло, шаровары... Все там. Поди возьми.